

УДК 82.09 (575.2) (04)

https://doi.org/10.33619/2414-2948/78/95

МОТИВ ДУХОВНОЙ ЖЕРТВЫ В РОМАНИСТИКЕ Ч. АЙТМАТОВА (КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ)

©*Sardarbek kыzy N.* ORCID: 0000-0001-5617-1982, SPIN-код: 3639-1235, канд. филол. наук,
Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына
г. Бишкек, Кыргызская Республика, skn12@mail.ru

MOTIVE OF SPIRITUAL SACRIFICE IN THE NOVELS OF CH. AITMATOV (COMPARATIVE ASPECT)

©*Sardarbek kыzy N.* ORCID: 0000-0001-5617-1982, SPIN Code: 3639-1235, Cand. philol. of
Science, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic, skn12@mail.ru

Аннотация. Автор статьи, опираясь на компаративную методологию, рассматривает особенности идейно-художественного воплощения мотива духовной жертвы в поэтике финалов романов Ч. Айтматова «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы». Мотив духовной жертвы у писателя связывается прежде всего с синтезом героического и гуманистического пафоса, обуславливая, в частности, специфику сюжетного построения финалов произведений писателя. Результаты исследования показывают, что мотив духовной жертвы, получив становление в повестях Ч. Айтматова, с наибольшей нравственно-философской глубиной и художественной выразительностью воплощается в романном творчестве писателя.

Abstract. The author of the article, relying on comparative methodology, examines the features of the ideological and artistic embodiment of the motive of spiritual sacrifice in the poetics of the finals of Ch. Aitmatov's novels "And the Day Lasts Longer than a Century", «The Scaffold», «The Brand of Cassandra», «When the Mountains Fall». The motive of spiritual sacrifice in the writer is associated primarily with the synthesis of heroic and humanistic pathos, causing, in particular, the specifics of the plot construction of the finals of the writer's works. The results of the study show that the motif of spiritual sacrifice, having received formation in Ch. Aitmatov's stories, is embodied in the writer's novels with the greatest moral and philosophical depth and artistic expressiveness. The images of the heroes of Ch. Aitmatov's novels.

Ключевые слова: мотив, духовный, жертва, компаративная методология, пафос.

Keywords: motive, spiritual, sacrifice, comparative methodology, pathos.

Айтматоведы достаточно детально рассматривали мотив жертвы в произведениях писателя, прежде всего, в связи персонажами как жертвами обстоятельств, политических репрессий, роковой судьбы [1]. Мотив духовной жертвы в творчестве Ч. Айтматова представляется темой значимой, позволяющей глубже постичь идейно-нравственное содержание его произведений.

Мотив в литературоведении рассматривается в разных планах: повторяющийся «устойчивый смысловой элемент литературного текста»; «комплекс чувств и переживаний»; «устойчивый словообраз... ключевое слово»; «нравственно-философские понятия»,

имеющие «остроту жизненного содержания» [2, с. 291]. Под мотивом понимаются также «второстепенные, дополнительные темы произведения, призванные оттенить или дополнить, главную, основную» [3, с. 227]. Мотив, как правило, соотносится с темой единством значений отдельных элементов произведения. В данной статье термин «мотив» рассматривается и как тематический, и как сюжетный элемент в поэтике произведений Ч. Айтматова.

Пояснения требует и понятие духовности, которая выступает важнейшей ценностной доминантой в творчестве Ч. Айтматова, как и писателей классиков в целом. Духовность «обнаруживается в обращенности человека к высшим ценностям, к идеалу, в его сознательной устремленности к совершенству; соответственно одухотворение заключается в освоении высших ценностей, в приближении к идеалу» [4, с. 131]. Имеются в виду прежде всего духовные идеалы, принципы, качества человека, такие как «бескорыстие, доброта, способность к самопожертвованию» [4, с. 132] и другие.

В ценностном мире Ч. Айтматова, как считают некоторые исследователи, «этико-эстетические воззрения Ч. Айтматова... связаны, прежде всего, с аксиологией универсальных (онтологических) общечеловеческих гуманных ценностей. В ряду этих ценностей на первый план выдвигаются совесть, доброта, человечность, милосердие, душевность, чуткость, сочувствие, братство, мир» [5, с. 264].

Думается, сюда следует отнести и понятие жертвы в духовном смысле, когда герой Ч. Айтматова жертвует собой во имя духовных идеалов. Мотив такой жертвы имеет место главным образом в поэтике финалов произведений писателя. В этом отношении продуктивным представляется методы типологического и генетического сравнения как основные методы компаративистики.

Мотив духовной жертвы целесообразно рассматривать в связи с героическим и гуманистическим пафосом. В этом отношении значимы трактовки В.Е. Хализева: «В составе жизни человечества непреходяще значима и этически неоспорима героика иного рода: одухотворенная сверхличной целью, альтруистическая, жертвенная, знаменующая служение в высоком смысле слова» [6, с. 87]. Так ученый, рассматривая, в частности, ценностные ориентации русской классики, выделяет «пафос жертвенного подвига» [6, с. 28] и такой его тип, как «благородная жертвенность» [7, с. 379].

Действительно, уже в повестях Ч. Айтматова данный мотив духовной жертвы можно трактовать как «пафос жертвенного подвига». Такова, в частности, повесть «Пегий пес, бегущий краем моря». Г. Гачев говорит о жертве как одном из смыслов человеческого существования, связывая типологически, а возможно, и генетически акт жертвы в повести «Пегий пес, бегущий краем моря» с подвигом жертвы в романе «Плаха» [См., к примеру: 8, с. 9]. В «Пегом псе, бегущем краем моря» «и... дед, и отец, и дядя жертвуют собой ради семечка жизни остатнего, в чем – надежда на жизнь вечную» [8, с. 318].

Духовный характер этой жертвы подчеркивается тем, что она вершится из любви к ближнему и, по сути, являет себя как «любовь-жертва» [8, с. 319, 320, 360]. Она всегда благородна и человечна, о чем пишет в связи с рассматриваемой повестью известный айтматовед А. Акматалиев: «О благородстве эта повесть, о готовности к самопожертвованию ради ближнего своего, о человечности, о смысле жизни, об утверждении Человеческого достоинства перед Вечностью, о бессмертии человеческого духа, о единстве человека и Природы [9, с. 48].

Л. Укубаева, думается, справедливо полагает, что «отдающие свои жизни люди... выбрали... этот путь, чтобы Кириск понял главный смысл их самопожертвования» [10, с. 100].

Действительно, в бушующей стихии океана «в Человеке сосредотачивается в такой ситуации вся нравственность: Любовь, жертва, духовность, – поднят он в цене, его бездонный внутренний мир» [8, с. 325].

О жертве, которую можно расценивать как духовную, пишет Г. Гачев в связи с повестью «Тополек мой в красной косынке». Анализируя образ Асель, ученый приходит к выводу о том, что «...после закона страсти, жизни для себя, для своего счастья, вступает в силу закон гуманности – жизни для другого, самопожертвования для его счастья» [8, с. 111].

Духовная жертва, таким образом, не только сознательный выбор лишения себя жизни ради спасения жизни ближнего, но и посвящение своей жизни ближнему, как в случае Асель или Дюйшена из «Первого учителя», всецело посвятившего себя служению детям.

В последней повести Ч. Айтматова «Белое облако Чингисхана» как акт духовной жертвы можно рассматривать и поступок Эрдене, который до конца остается верен своей любви вышивальщице знамен Дугуланг и добровольно обрекает себя на казнь вместе с любимой женщиной.

Герой Ч. Айтматова, способный на духовную жертву, надо думать, является своего рода художественным открытием писателя. Концепция жертвенной личности обуславливает сюжетно-композиционную структуру произведений писателя, усиливает нравственно-эстетическое содержание произведения. В частности, такая концепция находит яркое воплощение в поэтике финалов и повестей Ч. Айтматова, и его романов.

В романе «И дольше века длится день» мотив духовного подвига реализуется прежде всего в образах Абуталипа Куттубаева и акына Раймылы-ага.

Абуталип, учитель и собиратель фольклора (легенды о Сарыозекской казни, об акынах Раймалы-ага и Бегимай), не просто жертва тоталитарной эпохи, политического режима 30-х гг. прошлого столетия. Он гуманист, который сознательно жертвует своей жизнью, бросаясь под поезд, чтобы не выдать своих товарищей НКВД.

Драматична история о несчастной любви шестидесятилетнего акына Раймалы-ага и молодой девушки-акына Бегимай. Сословные предрассудки, властолюбивые люди и их амбиции встают на пути любящих сердец. Раймалы-ага готов покинуть родичей, препятствующих его большой и чистой любви, но подвергается наказанию: его привязывают к березе, лишают свободы за любовь к Бегимай. В следующем романе «Плаха» будет распят на саксауле Авдий Каллистратов за любовь к людям, горячее желание помочь им. Духовная жертва героев состоит в том, что они не отказываются от своих высоких идеалов. К примеру, привязанный к дереву Раймалы-ага взывает к разуму родичей: «Не ведаете вы, где истина, где счастье в этом мире. Да разве же постыдно петь, когда поется, да разве же любить постыдно, когда любовь приходит, ниспосланная богом на веку? Ведь самая большая радость на земле – влюбленным радоваться людям» [11, с. 245].

Убеждения Абуталипа и Раймалы-ага становятся причиной физической расправы. Сюжетный мотив расправы с Раймалы-ага и Авдием, распятым на саксауле «хунтой» Обер-Кандалова, видимо, обнаруживает некоторые генетические параллели, что предстоит в дальнейшем исследовать более детально. Стоит добавить о некоторых сходствах прощальной песни Раймалы-ага и прощальной молитвы Авдия. В подтексте песне Раймалы-ага звучит благородный отказ от мести и насилия, акын не держит зла ни на кого. Он просит своего брата Абдильхана освободить его: «Я по доброй воле в небеса уйду...» [11, с. 248].

Высока и благородна прощальная молитва Авдия, он взывает к милости, благодати, всепрощению Божьему, просит за людей, чтобы люди прозрели, чтобы души их были спасены. Авдий не страшится любого посмертного исхода: рай или геенна ему все равно, это в воле Божьей. Он, как Раймалы-ага, настроен миролюбиво. Но, если у Раймалы-ага имеется хоть какая-то надежда на свободу, то свобода для Авдия – это свобода его духа, верного духовным идеалам.

Мотив духовной жертвы наиболее отчетливо реализуется в романе «Плаха» и последующих романах Ч. Айтматова. В этих произведениях, как верно отмечает, Ю.О. Васильева, «...главные герои сами жертвуют собой во имя нравственных идеалов» [12]. Исследователь подчеркивает, что идея жертвенности, начиная с романа «Плаха», «становится постоянной в творчестве писателя» [12].

Г. Гачев характеризует Авдия как «безоглядного жертвенника» [8, с. 405], который обращает свою жизнь «в служение Высшему закону Совести, Истины и духовного самоуважения Личности в себе, Абсолюту, Разуму бытия, интеграл чего символизируется знаком "Бог"» [8, с. 405]. И смерть героя он называет «жертвенной смертью, без упрека и сопротивления злу насильем» [8, с. 437]. Самопожертвование героя во имя великих духовных идеалов провозглашается как духовная победа. Поэтому Г. Гачев пишет: «Жертва и Победа – это как Вопрос и Ответ. Ведь Истина так же равно мощно заявляет о своем существовании и обитает в форме вопроса, который есть первое к ней прикосновение, – как и в форме затем ответа» [8, с. 429].

Важны в аспекте мотива духовной жертвы и другие характеристики Авдия и Христа, как его протагониста.

Р. С. Шамурзина говорит о концептуальной значимости образа Авдия в романе. Этот образ «создавался как образ чистого Добра, как идеальный образ, наподобие князя Мышкина у Достоевского. Авдий воплощает в себе добро как духовность» [13, с. 152], как носитель «безусловного Добра» [Там же]. Кроме того, «Авдий, представитель... русского народа, возникает как конкретно-историческая реальность полиэтничности огромной страны. И он же – христианин, носитель той религии, которой открывается новая эра и утверждается добросердечие, братство и равенство людей. И, если вспомнить Достоевского, по своей национальной сути – «всемирно отзывчив», интернационален. Именно поэтому он способен вобрать в себя и судьбу наркоманов, и болгарские песнопения, и грузинскую балладу, и моюнкумскую саванну с волчатами, и моюнкумскую трагедию расстрела – истребления сайгаков» [Там же]. В финале романа он принимает «на себя всю полноту ответственности за творимое другими зло. Но для этого надо обладать духовным мужеством...» [13, с. 153].

А. И. Смирнова, в частности, проводит параллель между князем Мышкиным, героем романа Ф.М. Достоевского «Идиот», и Авдием. Оба, по ее мнению, «исповедают постулат, в основе которого лежит заповедь Христа возлюбить человека "как самого себя". Сохраняя верность Учителю, Авдий во имя спасения душ, падших и заблудших, приносит себя в жертву и избирает мученическую смерть» [14].

А. Абдыраманова прослеживает в Авдии его «духовную связь с Иисусом (создает свою религию, борется за справедливость на земле, жертвует собой ради людей), то есть обладает сходными моральными качествами. В своих размышлениях Авдий даже побывал в древнем мире с тем, чтобы спасти Иисуса, но безуспешно. Он повторил его судьбу» [15, с. 334].

В свою очередь Л. Укубаева объясняет глубинную причину духовной жертвы Иисуса так: «Иисус, для того, чтобы разбудить в человеке божественное начало, для того, чтобы помнили они о самопожертвовании, которое совершил он за грехи людей, для того, чтобы

всегда сожалели об этом, первым приносит на плаху свою жизнь» [16, с. 278]. Героические жертвы Иисуса и Авдия, если обобщить анализ Л. Укубаевой, подтверждаются следующей мыслью ученого: «Айтматовская гуманистическая концепция евангельской мифологии, словно лучами мощного прожектора, напоминает человечеству о сохранении спокойствия и мира на земле, о том, что самое необходимое это стремление к человечности [16, с. 279].

Мотив духовной жертвы, таким образом, в романе «Плаха» имеет как идейное, так и сюжетное воплощение. Генетически он восходит к мотиву духовной жертвы, связанной с легендой о Раймалы-ага и Бегимай в романе «И дольше века длится день», где Раймалы-ага не отступает от своих устремлений к идеалу любви, хотя она и носит личный характер. Своей гуманистической позицией он и любимая им Бегимай дают урок гуманности не только соплеменникам, но всем, кто причастен к рождению их любви. Отсюда писатель проводит связь к любви духовной, которую отстаивают Авдий и Иисус.

Это любовь подлинно альтруистическая, связанная с доброжелательством, расположением к людям. Ее можно понимать как любовь агапическую. «Древние греки так называли мягкую, жертвенную, снисходящую к ближнему любовь. В позднейшем христианском представлении любовь-агапэ (лат. caritas, dilectio) мыслится как обусловленная и опосредованная любовью к Богу: она возникает не в результате влечения к конкретному возлюбленному, вызванного его внешними и внутренними достоинствами, а как проявление любви к ближнему, присущей данному человеку в целом» [17]. Р. Мэй считал, что «агапе представляет собой форму бескорыстной любви, связанную с беспокойством по поводу благополучия других людей. Её нельзя понимать как имеющую отношение к эксплуататорским наклонностям, скорее следует говорить о том, что она находит своё выражение в непрекращающейся отзывчивости и постоянном беспокойстве по поводу других людей» [Там же].

Мотив духовной жертвы далее воплощается в образной системе романа Ч. Айтматова «Тавро Кассандры». На первый план здесь выходят прежде всего образы Филофея, Роберта Борка и китов как природной стихии и воплощение планетарного сознания Земли.

По мнению Ю. О. Васильевой идея жертвенности после романов «И дольше века длится день», «Плаха» продолжает художественно реализовываться в сюжете романа «Тавро Кассандры»: «Пытаясь раскрыть людям глаза, заставить их задуматься над открытием русского генетика, гибнет Роберт Борк. На орбите сводит счеты с жизнью и сам Андрей Крыльцов, объявивший себя монахом Филофеем...» [12, с. 97].

М. С. Мискина в статье «Мотив жертвоприношения в романе Ч. Айтматова "Тавро Кассандры"» говорит о мотиве жертвоприношения как доминанте произведения. Финал романа, по мнению исследователя, трагичен, что видно на примере участи Филофея, Борка, китов. Однако, несмотря на это, «новое произведение Айтматова преодолевает нигилизм, прославляя добрые и светлые начала в природе человека, потому что вера в разум человеческий, пусть и далеко не совершенный, но все же способный путем саморефлексии достичь истины, является его базисной основой» [18, с. 159].

Думается, именно таково значение мотива духовной жертвы в романе писателя, как это сформулировала М. С. Мискина. Необходимо прокомментировать более подробно данный аспект.

Мотивация поступков Филофея и Борка, безусловно, связана с духовными идеалами. Эти идеалы могут быть достигнуты исключительно гуманными путями, любовью между людьми. В свое время Л. Н. Толстой высказал мысль английского писателя Джона Рёскина,

которая не теряет своей актуальности и в наше время: «Только духовные идеалы достигаются без борьбы людей между собою, а, напротив, достигаются тем скорее, чем более соединены люди любовью. В наше же время закон борьбы признан законом жизни человеческой: доказательство того, что идеалы нашего времени – идеалы не духовные» [19, с. 112].

Филофей пытается вразумить землян, осуществляя свой космический эксперимент, в основе которого лежит гуманистическая мотивация. Его задача – помочь людям в их нравственном развитии, помочь им понять, что без доброй жизни, в основе которой лежит любовь людей друг к другу, невозможно нормальное, гармоничное социальное развитие. И бунт кассандро-эмбрионов подтверждает эту истину зримо и наглядно – пигментными пятнами на лбу женщин, которые готовятся стать матерями. Души будущих людей протестуют против рождения в дисгармоничном, безлюбном мире. Аборты не решение проблемы, только изменение души, изменение характера, их гуманизация способны как-то сбалансировать ситуацию. Однако люди, захваченные законом борьбы, отходят от духовных идеалов, девальвируют их, не привлекаются ими, потому изменить себя духовно гораздо сложнее, чем бороться за место под солнцем. Такова извечная нравственно-философская дилемма, перед необходимостью решения которой поставил нас Ч. Айтматов.

Перед ее решением не может остаться в стороне даже природа. Своим трагическим исходом вызывают к разуму человечества в романе киты. Ученый Р. С. Шамурзина об образах китов пишет следующее: «В романе есть и удивительно выпуклые, живописные картины, связанные с плывущими по океану китами, напоминающими клином летящих журавлей. Только этот мир, мир живой природы сохраняет в "Тавре Кассандры" былую гармонию бытия. Но истины ради писатель показывает в начале одиннадцатой главы издыхающих на мелководье китов, пожертвовавших собой, чтобы предупредить человечество о грядущих бедствиях. Мир утратил былую гармонию, и это призыв к Человеку опомниться...» [13, с. 157]

Мотив духовной жертвы реализуется в романе «Тавро Кассандры» идейно и сюжетно. В идейном аспекте он связан с размышлениями Филофея и Борка, самого автора в лирико-философских отступлениях. В сюжетном аспекте автор прибегает к различным художественным решениям. Филофей, подобно героям повести «Пегий пес, бегущий краем моря», добровольно уходит из жизни: там взрослые покидают лодку ради спасения ребенка, здесь духовно умудренный Филофей, космический монах, покидает космический корабль и шире – Землю, как своеобразный «корабль» мироздания. Филофей оставляет землян, словно неразумных детей, быть может, в смутной надежде на то, что его смерть будет не напрасной, и земляне обратятся к голосу разума, совести, добра.

Роберт Борк подвергается расправе со стороны разъяренной толпы. С ним расправляются, как с Раймалы-ага, Иисусом, Авдием. Импульсом к расправе является стойкая духовная позиция каждого из них – вера в доброе начало души человека. Каждый из них пытается вразумить тех, кто не понял и не постиг духовных идеалов, не научен нравственной работе над собой и потому видит «врага» не в себе, а в других.

С этими героями обнаруживает определённую общность Арсен Саманчин, герой романа Ч. Айтматова «Когда падают горы». С ним расправляются опосредованно: он вызывает огонь на себя, после того как вразумить Таштанафгана и его приспешников оказалось невозможным. Остался не услышанным его призыв к арабским шейхам, приехавшим забавы ради поохотиться на красу кыргызских гор – снежного барса. Вновь мы здесь сталкиваемся с мотивом духовной жертвы, поскольку Арсен Саманчин гибнет за

духовные идеалы, важнейшим из которых является ценность жизни, и человеческой, и любой вообще.

Видимо, в некоторой степени как духовную жертву можно расценивать поступок жениха из легенды о Вечной невесте, который удалился в горы Тибета. «Считается, что он стал монахом-отшельником и живет где-то аж в самом Тибете, в монастырских пещерах, в медитациях пребывает там дни и ночи. Так говорят, но кто знает, куда он сгинул сгоряча? С его стороны это вызов самой человеческой сущности – он категорически не приемлет зло, с которым так часто мирятся люди» [20, с. 86]. Здесь усматриваются некоторые параллели с легендой о Раймалы-ага и Бегимай. В обоих случаях, недоброжелатели разрушают любовь, разлучают любящих. Возможно, если бы брат Раймалы-ага освободил акына, он, подобно жениху из легенды о Вечной невесте, удалился от людей туда, где никто не смог бы найти его. Таков протест указанных персонажей против покушения на свободу чувств человека, на высокие ценности – любви и добра.

Как отмечает Л. Укубаева, «Арсен, пожертвовав своею жизнью, таким образом спасает кыргызскую землю от глобального бедствия. Его не заинтересовала легкая добыча (даже если это единичный случай в трудных экономических условиях, в государстве, где человек социально не защищен), он хотел лишь вывести ташафгановцев на прямую дорогу. Это было выбором Арсена. Этой "проделкой" Арсена Ч. Айтматов определил путь, по которому должно пойти человечество. Человек на своем жизненном пути всякий раз находится перед духовным, нравственным выбором, и этот выбор определяет человеческое в человеке, убивает человеческое в нем, или, наоборот, совершенствует в нем человеческое» [10, с. 208].

Мотив духовной жертвы в романе «Когда падают горы» тесно связан с авторской концепцией значимости духовных идеалов, одним из которых является ценность человеческой жизни. Этим определяется поэтика финала романа, куда Ч. Айтматов включил вставной рассказ «Убить – не убить». Жертва Арсена Саманчина оказалась не напрасной, так как после его гибели в руки людей попал рассказ «Убить – не убить». В нем до крайней степени обострена проблема совести человеческой, пафос пацифизма достигает своей кульминации. Оставаться человеком в любых обстоятельствах – вот важнейшее условие торжества духовных идеалов в мире.

Список литературы:

1. Сардарбек кызы Н. Сюжет и система образов в романе Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» // Вопросы литературы и искусства. 2007. С. 86-90.
2. Мануйлов В. А. Лермонтовская энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. 784 с.
3. Захаркин А. Мотив // Словарь литературоведческих. М.: Просвещение, 1974. С. 226–227.
4. Апресян Р. Г., Гусейнов А. А. Духовность // Этика: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2001. С. 131.
5. Крутиков Д. А. Этико-эстетические воззрения Ч. Айтматова (По материалам внехудожественных жанров писателя) // Айтматов окуулары – 2015: Материалы Международной научно-практической конференции. Бишкек: Турар, 2015. С. 258–265.
6. Хализев В. Б. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2002. 437 с.
7. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.
8. Гачев Г. Чингиз Айтматов: В свете мировой культуры. Фрунзе, 1989. 486 с.
9. Акматалиев А. Чингиз Айтматов: Человек и Вселенная. Бишкек: Илим, 2013. 576 с.

10. Укубаева Л. Художественное мастерство Чингиза Айтматова. Б.: Турар, 2019. 252 с.
11. Айтматов Ч. Т. Буранный полустанок: И дольше века длится день. М., 1981. 303 с.
12. Васильева Ю. О. Мотив судьбы в поздней прозе ЧТ Айтматова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. №2. С. 94-99.
13. Шамурзина Р. С. Закономерности жанрового развития современной прозы (XX–XXI вв.): Сборник научных статей. Бишкек, 2015. 200 с.
14. Смирнова А. И. Онтологическая поэтика Чингиза Айтматова // Филология и культура. 2014. №1 (35). С. 208-214.
15. Абдыраманова А. Сравнительно-типологический подход к трактовке библейского сюжета в романах М. Булгакова и Ч. Айтматова // Alatau Academic Studies. 2016. №1. С. 329–336.
16. Укубаева Л. Чингиз Айтматов: эстетика и национальная основа. Бишкек, 2017. 292 с.
17. Демидов А. Б. Любовь // Феномены человеческого бытия. Минск, 1999.
18. Мискина М. С. Мотив жертвоприношения в романе Ч. Айтматова «Тавро Кассандры» // Вестник Томского государственного университета. 2003. №277. С. 152-159.
19. Маковицкий Д. П. У Толстого, 1904-1910: "Яснополянские записки" Д.П. Маковицкого: В 4 кн. М.: Наука, 1979. 512 с.
20. Айтматов Ч. Когда падают горы: (Вечная невеста): роман, повесть, новелла. СПб.: Азбука-классика, 2007. 480 с.

References:

1. Sardarbek kyzy, N. (2007). Syuzhet i sistema obrazov v romane Ch. Aitmatova "Kogda padayut gory (Vechnaya nevesta)". In *Voprosy literatury i iskusstva*, 86-90. (in Russian).
2. Manuilov, V. A. (1999). *Lermontovskaya entsiklopediya*. Moscow. (in Russian).
3. Zakharkin, A. (1974). *Motiv. Slovar' literaturovedcheskikh*. Moscow. 226–227. (in Russian).
4. Apresyan, R. G. & Guseinov, A. A. (2001). *Dukhovnost'. Etika: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow. (in Russian).
5. Krutikov, D. A. (2015). *Etiko-esteticheskie vozzreniya Ch. Aitmatova (Po materialam vnekhudozhestvennykh zhanrov pisatelya)*. In *Aitmatov okuulary – 2015: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Bishkek, 258–265.
6. Khalizev, V. B. (2002). *Teoriya literatury*. Moscow. (in Russian).
7. Khalizev, V. E. (2005). *Tsenostnye orientatsii russkoi klassiki*. Moscow. (in Russian).
8. Gachev, G. (1989). *Chingiz Aitmatov: V svete mirovoi kul'tury*. Frunze. (in Russian).
9. Akmatalliev, A. (2013). *Chingiz Aitmatov: Chelovek i Vselennaya*. Bishkek.
10. Ukubaeva, L. (2019). *Khudozhestvennoe masterstvo Chingiza Aitmatova*. Bishkek.
11. Aitmatov, Ch. T. (1981). *Buranniy polustanok: I dol'she veka dlitsya den'*. Moscow. (in Russian).
12. Vasil'eva, Yu. O. (2015). *Motiv sud'by v pozdnei proze ChT Aitmatova*. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 15(2), 94-99. (in Russian).
13. Shamurzina R. S. (2015). *Zakonomernosti zhanrovogo razvitiya sovremennoi prozy (XX–XXI vv.): Sbornik nauchnykh statei*. Bishkek.
14. Smirnova, A. I. (2014). *Ontologicheskaya poetika Chingiza Aitmatova*. *Filologiya i kul'tura*, (1 (35)), 208-214.

15. Abdyramanova, A. (2016). Sravnitel'no-tipologicheskii podkhod k traktovke bibleiskogo syuzheta v romanakh M. Bulgakova i Ch. Aitmatova. *Alatoo Academic Studies*, (1), 329–336.
16. Ukubaeva, L. (2017). Chingiz Aitmatov: estetika i natsional'naya osnova. Bishkek.
17. Demidov A. B. (1999). Lyubov'. In *Fenomeny chelovecheskogo bytiya*, Minsk. (in Russian).
18. Miskina, M. S. (2003). Motiv zhertvoprinosheniya v romane Ch. Aitmatova "Tavro kassandry". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (277), 152-159. (in Russian).
19. Makovitskii, D. P. (1979). U Tolstogo, 1904-1910: "Yasnopolyanskie zapiski" D. P. Makovitskogo. Moscow. (in Russian).
20. Aitmatov, Ch. (2007). Kogda padayut gory: (Vechnaya nevesta): roman, povest', novella. St. Petersburg. (in Russian).

Работа поступила
в редакцию 18.03.2022 г.

Принята к публикации
23.03.2022 г.

Ссылка для цитирования:

Сардарбек кызы Н. Мотив духовной жертвы в романистике Ч. Айтматова (компаративный аспект)// Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. №5. С. 770-778. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/78/95>

Cite as (APA):

Sardarbek kyzy, N. (2022). Motive of Spiritual Sacrifice in the Novels of Ch. Aitmatov (Comparative Aspect). *Bulletin of Science and Practice*, 8(5), 770-778. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/78/95>